

COVERT INVESTIGATION ACTIONS AS A SEPARATE INSTITUTE OF CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION

Hakimov Ya.B.¹, Akbaralizoda J.A.², Soliev I.I.³ (Republic of Tajikistan)
Email: Hakimov519@scientifictext.ru

¹Hakimov Yakub Bahtiyoriddinovich – Staff Worker;

²Akbaralizoda Jasur Akbarali – Staff Worker;

³Soliev Iftikhor Isroilovich – Staff Worker,

NATIONAL CENTER OF LEGISLATION UNDER THE PRESIDENT OF THE
REPUBLIC OF TAJIKISTAN,
DUSHANBE, REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Abstract: *in this article, the author analyses the new institution of criminal procedure law, which is called tacit investigative actions. And, this institution is considered relatively new and recognized in the criminal procedure legislation of some countries of the post-Soviet area. Recognition of this phenomenon as criminal procedure has led to a number of innovations and challenges in criminal procedure science and legislation in post-Soviet countries. The author therefore attempted to analyze the legislation of the post-Soviet countries in order to study the institution.*

Keywords: *investigative actions, operative investigations activity, operative investigations events, tacit investigative actions, criminal-procedure legislation, post-Soviet countries.*

НЕГЛАСНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ КАК ОТДЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Хакимов Я.Б.¹, Акбарализода Д.А.², Солиев И.И.³
(Республика Таджикистан)

¹Хакимов Якуб Бахтиёррiddинович – сотрудник;

²Акбарализода Джасур Акбарали – сотрудник;

³Солиев Ифтихор Исроилович – сотрудник,

Национальный центр законодательства при Президенте Республики
Таджикистан,
г. Душанбе, Республика Таджикистан

Аннотация: *в данной статье автором проанализирован новый институт уголовно-процессуального законодательства, который называется “Негласные следственные действия”. Таким образом, данный институт считается относительно новым явлением и признан в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых стран постсоветского пространства. Признание данного феномена уголовно-процессуальным привело к возникновению ряда нововведений и вызовов в уголовно-процессуальной науке и законодательстве постсоветских стран. Поэтому*

автор попытался проанализировать законодательства постсоветских стран с тем, чтобы изучить данный институт.

Ключевые слова: следственные действия, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, негласные следственные действия, уголовно-процессуальное законодательство, постсоветские страны.

Для раскрытия преступления следователь использует все полномочия, предоставленные ему уголовно-процессуальным законодательством. Для скорейшего выявления того или иного вида преступления субъект уголовного преследования должен принять все необходимые меры для того, чтобы преступления не оставались нераскрытыми. Конечно, преступление является совершенным действием и явлением прошлого времени, оно совершается в объективном мире, и его раскрытие основано на роли того или иного совершенного преступления [1]. Поэтому осуществление процессуальных действий является главной основой для раскрытия преступления. В последние годы быстро растет уровень преступности, особенно в сфере терроризма, экстремизма, наркотиков, преступлений против государственной власти, преступлений против личности, преступлений, совершаемых членами независимых преступных организаций, преступлений международного характера [2]. Чтобы как можно скорее предотвратить эти нежелательные действия, угрожающие мировому сообществу, правоохранительным органам необходимо усилить свою деятельность в этой сфере и внести весомый вклад в искоренение подобных действий.

Одним из важнейших достижений в развитии и становлении правоохранительной системы в постсоветских странах является представление и продвижение новых уголовно-процессуальных норм в законодательстве каждого постсоветского государства. Становление и развитие, произошедшие в этих странах, а также изменения, внесенные в уголовно-процессуальное законодательство некоторых стран, не случайны, а являются требованиями современного мира. Конечно, чтобы использовать опыт других стран, необходимо было привести нормы в соответствие с международными стандартами, что привело к значительным изменениям в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых стран в области расследования преступления. Как правило, новые изменения в уголовно-процессуальном устанавливаются в первую очередь необходимостью проведения следственных действий и вводят новые качественные процессуальные институты, такие как негласные следственные действия, которые находятся в центре внимания.

Несмотря на то, что уголовно-процессуальное законодательство постсоветских стран все еще находится в зачаточном состоянии, вопрос негласных следственных действий уже решен, а важность его включения в уголовно-процессуальное законодательство широко обсуждается среди ученых. К примеру, в Республике Украина прошел ряд научно-практических

конференций по этой теме, например конференция «Обеспечение законности в деятельности органов предварительного следствия и расследования» (г. Луганск, Луганский государственный университет внутренних дел им. им. Э.А. Дидоренко, 26 марта 2012 г.), круглый стол на тему «Усиление системы негласных следственных действий в уголовно-процессуальном законодательстве Украины» (Киев, Национальная академия внутренних дел Украины, 7 октября 2011 г.), научно-практическая конференция «Теоретические и практические проблемы уголовного судопроизводства» (г. Донецк, Донецкий юридический институт МВД Украины, 26 октября 2012 г.) и ряд других семинаров и симпозиумов по данной теме [3].

Природа негласных следственных действий- это конфиденциальность информации, полученной в результате их проведения [4], поскольку информация, полученная в результате расследований о неразглашении, с большей вероятностью будет касаться частных или личных вопросов.

В законодательстве большинства постсоветских стран институт негласных следственных действий регулируется отдельной главой, в которой указаны критерии, определяющие основания для их проведения, сроки, порядок рассмотрения заявлений о разрешении на их проведение.

На законодательном уровне различие между гласными и негласными следственными действиями заставляет нас выявить основные различия между этими двумя процессуальными институтами. Главное отличие негласных следственных действий - это конфиденциальность информации о событии и способах его расследования, что невозможно сделать без разрешения прокурора и суда.

Особое внимание уделяется порядку проведения негласных следственных действий, предусмотренному уголовно-процессуальным законодательством некоторых постсоветских стран. Решение о проведении негласных следственных действий принимается следователем и прокурором, но в случаях, когда это следственное действие ограничивает конституционные права и свободы граждан, оно может быть произведено по запросу прокурора и с разрешения суда, или же по запросу следователя с согласия прокурора и разрешения суда. Следователь обязан сообщить прокурору обо всех произведенных им негласных следственных действиях, а также представить всю полученную информацию. Прокурор вправе прекратить или изменить срок проведения тех или иных негласных следственных действий. В исключительных случаях прокурор вправе определять порядок проведения негласных следственных действий, например, в случаях надзора за совершенным преступлением [5].

Другой стороной института негласных следственных действий в уголовном процессе является совмещение следственных действий с розыскными мероприятиями, что создает серьезную угрозу конституционным гарантиям прав и свобод человека и гражданина. Безусловно, цель анализа этого института в данной работе - выявить проблему усиления негласных следственных действий как уголовно-процессуального института в соответствии с международными инструментами и международной

практикой. Использование современных методов и технологий для раскрытия преступлений очень полезно и может способствовать борьбе с преступностью и раскрытию особо серьезных преступлений. Чтобы решить эту проблему, некоторые страны мира разработали новые технологии.

В этом процессе мы должны обратить внимание на некоторые нормы, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством Федеративной Республики Германии. Так, Уголовно-процессуальный кодекс Германии предусматривает, что номер телефона и карта могут быть идентифицированы с помощью технических средств, а также для ареста и задержания преступника на основании ордера на арест – определяется местонахождение мобильного телефона [6].

Эти методы получения доказательств сейчас включены в уголовно-процессуальное законодательство некоторых постсоветских стран. Например, Украины, Казахстана, Киргизии, Армении, Азербайджана, Латвии, Литвы, Эстонии, Грузии.

В последние годы институт негласных следственных действий был признан одной из самых важных и известных юридических структур на постсоветском пространстве [7]. Следует отметить, что в некоторых постсоветских странах данный термин употребляется условно, а на законодательном уровне используется под разными названиями.

Сегодня встает вопрос об актуальности оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, наряду с попытками определения их территории действия не только в юридической науке Российской Федерации, но и в других постсоветских странах.

Уголовно-процессуальное законодательство Франции, Федеративной Республики Германии, Швейцарии и Австрии включает специальные негласные следственные действия, процедуры их назначения и проведения, которые требуют строгих требований о не нарушении конституционных прав человека.

Следует отметить, что проблема существования оперативно-розыскной деятельности и следственных действий была достоянием не только сегодняшнего поколения, но и периода становления советской эпохи. Даже после судебной реформы 1864 года, помимо дознания и предварительного следствия, существовал еще и обыск, который носил непроцессуальный характер [8]. Результаты обыска не могли сразу представляться в качестве доказательств, только после тщательного предварительного расследования и допроса субъектов, которые его проводили - они могли быть приобщены к уголовному делу.

В определенной степени негласные следственные действия предусмотрены в работах известных дореволюционных ученых в области уголовного процесса, в том числе И.Я. Фойницкий отмечает [9], что «некоторые меры, предусмотренные законом - в частности, устный допрос и негласное наблюдение, а также обыски в определенной степени, могут быть определены для установления обыска на месте происшествия, обыска в доме обвиняемого, а также обыска других предметов». Другой известный ученый

в области уголовного процесса С.И. Викторский, со своей стороны, отмечает, что «негласность расследования заключается в том, что расследование проводится с предварительным следствием с целью выявления элементов преступления и, если возможно, установления личности преступника, определить место совершения преступления - для действий следователя ... они не оформляются, не носят судебного характера и должны быть конфиденциальными. Быстрота действий, негласность и способность обнаруживать признаки преступной деятельности - вот качества, которые требуются от следователей».

А.Я. Квачевский отмечает, что «обыск является неотъемлемой частью расследования в его самом широком смысле - одним из способов продолжения расследования, тайного поиска и признания, раскрытия личности преступника».

Статья 312 Уголовно-процессуального кодекса 1864 года предусматривает статус негласных действий полиции, направленного на сбор информации для следователя с разрешения прокурора относительно наличия или отсутствия оснований для проведения расследования.

Таким образом, негласные следственные действия могут относиться к особым процессуальным действиям, которые включают получение доказательств в негласной (секретной, конфиденциальной) форме с помощью средств, неизвестных всем или некоторым из субъектов уголовного процесса, такие как сами участники процесса негласных следственных действий, за исключением лиц, ответственных за рассмотрение дела.

Начало XXI века было признано поиском новых способов выявления и расследования преступлений в некоторых постсоветских странах. Законодательство стран СНГ, таких как Украина, Казахстан и Кыргызстан, позволяет решить эту проблему. Эти государства совместили оперативно-розыскные мероприятия с негласными следственными действиями, таким образом давая право следователю проводить негласные следственные действия.

В современном обществе построение правового государства в постсоветских странах, повышение правового уровня и интересов граждан, улучшение работы правоохранительных органов является основной задачей, а основной упор делается на решение правовых проблем в регулировании негласных следственных действий в период досудебного предварительного следствия уголовного дела. Фактически, в этот период усиливается основной доказательный процесс по уголовному делу, на основании которого суд выявляет и разбирается в обстоятельствах преступления и выносит справедливый приговор. Качественное раскрытие и расследование преступлений обеспечивается уголовно-процессуальным законодательством и многими доктринами современной оперативно-розыскной деятельности, которые рассматриваются как правовые акты, регулирующие эти отношения.

В настоящее время некоторые ученые (С.И. Давыдов, В.Ф. Луговик, Н.В. Павличенко, А.Е. Чечетин, А.Ю. Шумилов) активно поддерживают идею совмещения негласных следственных действий с оперативно-розыскными

мероприятиями. Негласные следственные действия признаны не только институтом уголовно-процессуальной науки, но и отдельным институтом уголовно-процессуального законодательства Украины (2012 г.), Казахстана (2015 г.), Кыргызстана (2018 г.) [10].

Для анализа вышеизложенного следует отметить три важных вопроса, связанных с данным институтом:

- текущее состояние негласных следственных действий по уголовным делам;
- международная оценка в сфере правового регулирования негласных следственных действий по уголовному делу;
- опыт других стран в раскрытии преступлений с использованием негласных следственных действий.

Фактически, институт негласных следственных действий основан на опыте развитых стран, таких как Германия и США. В уголовно-процессуальном законодательстве постсоветских стран возникло много проблем с раскрытием и расследованием некоторых преступлений, которые содержат много конфиденциальной информации и которые очень сложно раскрыть. В связи с этим возникла необходимость провести сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства постсоветских стран с развитыми странами мира, такими как Швейцария, Германия и США [11].

В уголовно-процессуальном кодексе Швейцарии от 5 октября 2007 г. выделена отдельная группа следственных действий, известных в законодательстве как негласные следственные действия. В связи с тем, что данное следственное действие было очень похоже на оперативно-розыскную деятельность, Швейцария отказалась от оперативно-розыскной деятельности и предусмотрела его в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. Согласно законодательству страны, все действия направлены на выявление, раскрытие и расследование преступления, являющегося корнем всех уголовных процессов. Не принимается во внимание необходимость различать эти две действия.

Если обратить внимание на уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан, то в 2014 году был введен институт негласных следственных действий, в котором использовались результаты, достигнутые опытными государствами. Данный правовой институт полностью признает все материалы, полученные в результате оперативно-розыскной деятельности, неотъемлемой частью уголовного процесса. Ключевым моментом здесь является существенное отличие казахстанской модели уголовно-процессуального законодательства от модели западных стран, где оперативные следственные действия и предварительные расследования не разделены и сосуществуют. Это нововведение полностью поддерживают одни ученые постсоветских стран, другие полностью отрицают. В качестве сравнительного примера рассмотрим опыт Украины, в который данный институт в 2012 году был включен в уголовно-процессуальное законодательство. Эксперты в этой области отметили, что эта инициатива представляет серьезную угрозу для прав и свобод человека и гражданина, а

также поставили под сомнение законность доказательств, полученных в результате негласных следственных действий [12]. Причина, по которой они доказывают эту точку зрения, заключается в том, что данное действие не является следственным действием, поскольку следователь в нем не участвует, а только дает указания в соответствующие оперативные органы. Самое главное, что, в отличие от других следственных действий, отсутствуют подробные процедуры проведения негласных следственных действий, так как некоторые из них являются государственной тайной. С разных точек зрения, проанализировав этот новый процессуальный институт, ученые предложили две точки зрения:

- полный переход к образцу зарубежных стран, предусматривающий сочетание оперативных и следственных действий;
- отказ от негласных следственных действий и переход на прежнюю систему, т.е. оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс отдельны друг от друга [13].

В уголовно-процессуальной науке ученые делятся на три группы по вопросу признания института негласных следственных действий неотъемлемой частью уголовного процесса:

1. Первая группа экспертов с самого начала поддержала данное нововведение и отстаивала идею его включения в уголовно-процессуальное законодательство. Например, А.Банчук отмечает, что количество негласных следственных действий, проводимых с разрешения суда, должно быть увеличено. Он также предлагает уточнить точные сроки этих действий [14]. На законодательном уровне должно быть четко указано, кто не имеет права доступа к информации, полученной в результате негласных следственных действий. М.А. Михайлов предлагает накопить у следователей практический опыт проведения этих негласных действий с целью получения качественных и законных результатов.

2. Другая группа экспертов отмечает серьезные трудности в интеграции негласных следственных действий в уголовно-процессуальное законодательство. Здесь необходимо проанализировать мнение украинских ученых и исследователей, включивших этот институт в УПК раньше, чем в Казахстане и Кыргызстане. Они отмечают, что у института есть следующие недостатки:

- регулирование некоторых негласных следственных действий серьезно нарушает и ограничивает конституционные права и свободы человека и гражданина;
- их регулирование осуществляется без необходимой системы, с повторением структуры верховенства закона;
- институт негласных следственных действий не имеет необходимой процессуальной формы, так как он не обеспечивает достаточных гарантий доказательства, таких как защита прав и свобод человека и гражданина [15].

Казахстанские ученые также рассмотрели существующие проблемы и представили свои идеи, например, Ахпанов А.Н. По его мнению, новые способы сбора доказательств с помощью криминалистических методов в

наше время повышают уровень безопасности лиц, участвующих в уголовных делах, и обеспечивают надежность доказательств. Основания, приведенные Ахпановым А.Н. следующие:

- во-первых, только негласные следственные действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, предусматривают сбор данных с помощью технических средств и информационных технологий, которые исследуются с точки зрения принадлежности, приемлемости и достаточности, и будут использоваться в качестве доказательств в по уголовных делах;

- во-вторых, негласные следственные действия ни в коем случае не используют форму доказательств оперативно-розыскной деятельности, а используют тактику ее проведения соответствующими следственными органами;

- в-третьих, полученная информация в результате оперативного допроса может быть источником для получения новых доказательств, однако она не используется в качестве доказательства [16].

3. Наконец, третья группа экспертов - это те, кто категорически не согласен с институтом негласных следственных действий. Таким образом, по мнению Б.Х. Толеубековой оперативно-розыскные мероприятия включены в уголовно-процессуальный кодекс Казахстана под видом негласных следственных действий, которые по сути не являются следственными действиями. Они основаны исключительно на следователе, после их проведения составляется протокол. Одним из других исследователей в этой области, который в целом выступает против института негласных следственных действий, является казахстанский ученый Гинзбург А.Я. Он является известным специалистом в области уголовного процесса и следственной деятельности, отмечая, что институт негласных следственных действий грубо нарушает как принципы уголовно-процессуальной науки, так и принципы уголовно-процессуального законодательства [17].

Таким образом, несмотря на то, что институт негласных следственных действий признан отдельной частью уголовного судопроизводства, он создал множество проблем, решение которых является предметом многочисленных дискуссий среди ученых постсоветских стран.

Хотя уголовно-процессуальным законодательством Республики Таджикистан не предусмотрено явление негласных следственных действий, анализ уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан показывает, что в его новой редакции с 2009 года некоторые виды негласных следственных действий признаны в качестве следственных действий, в том числе прослушивание и запись разговоров (ст. 196 УК РТ), изъятие почтовых отправлений, телеграфных сообщений и других сообщений, передаваемых по телекоммуникационным и почтовым сетям, их досмотр и извлечение (ст. 195 УПК РТ), взятие проб для сравнительного исследования (ст. 215 УПК РТ).

В итоге институт негласных следственных действий признан неотъемлемой частью уголовно-процессуального законодательства некоторых постсоветских государств, однако по-прежнему существуют

разногласия. В целом ученые делятся на три группы. Первая группа утверждает, что негласные следственные действия должны быть признаны неотъемлемой частью уголовно-процессуального законодательства. Вторая группа категорически против этой идеи, и они признают свое мнение об исключении оперативно-розыскных элементов из уголовного процесса. Третья группа придерживается мнения, что элементы оперативно-розыскной деятельности должны конкретно регулироваться законодательством об оперативно-розыскной деятельности, а негласные следственные действия - уголовно-процессуальным законодательством.

Большинство постсоветских государств уже включили эту систему в свое уголовно-процессуальное законодательство, а в будущем государства, которые не приняли ее, могут включить это явление в свое уголовно-процессуальное законодательство.

Список литературы / References

1. *Абдуллоев П.С.* Далелҳо ва исбот дар муруфияи ҷиноятӣ. Душанбе – 2019. с. 7
2. *Кулобиев Ё.А., Ҳакимов Я.Б.* Ҷанбаҳои назариявии амалҳои тафтиши ғайриошкоро: мафҳум ва моҳияти он // Қонунгузорӣ, 2020. №4 (40). С. 151-157.
3. *Сергеева Д.* Основания проведения негласных следственных (розыскных) действий согласно уголовно-процессуальному законодательству Украины // Закон и жизнь, 2014. № 5. С. 25–29.
4. *Ҳакимов Я.Б.* Амалҳои тафтиши ғайриошкоро дар муруфияи ҷиноятӣ пасошӯравӣ // VII Международная студенческая научно-практическая конференция «Актуальные вопросы юриспруденции». Душанбе, 2020. С. 110-116.
5. *Соколов А.Н.* К вопросу о специальных следственных действиях // Законы России: опыт, анализ, практика, 2011. № 2. С. 59-65.
6. *Головненков П., Спица Н.* Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии Strafprozessordnung (StPO): научно-практический комментарий и перевод текста закона. Потсдам, 2012.
7. *Толочко А.Н.* Правовая регламентация негласных следственных (розыскных) действий в уголовно-процессуальном законодательстве Украины // Пробелы в российском законодательстве, 2013. № 6. С. 312-318.
8. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // ПСЗ РИ. Т. 39. № 41476.
9. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2003.
10. *Колосович М.С.* Производство негласных следственных действий по УПК России, Украины, Казахстана и Киргизии // Юридическая наука и правоохранительная практика, 2015 №3 (33). С. 139–146

11. *Шамуратов Д.Е., Жолумбаев М.К.* Институт негласных следственных действий в уголовном процессе Казахстана // Новое слово в науке: перспективы развития: материалы VIII Междунар. науч.–практ. конф. Чебоксары, 2016. № 2. С. 302-303.
12. *Уваров В.Г.* Негласные следственные действия в новом УПК Украины // Научные ведомости, 2013. №8 (151). С. 214–217.
13. *Терещук С., Юхно А.* Феномен негласных следственных (розыскных) действий в уголовном законодательстве Украины // LEGEA SI VIATA, 2016. С. 67–71.
14. *Ковалев Н., Банчук А.* Правовое регулирование оперативно розыскной деятельности в Кыргызской республике. Б., 2014. С. 49.
15. *Ахкубеков А.Х.* Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности в Германии // Оперативник (сыщик), 2005. № 1. С. 50-51.
16. *Ахпанов А.Н., Хан А.Л.* О правовой природе и разграничении оперативно – розыскных мероприятий и негласных следственных действий // Вестник Института законодательства РК, 2018. № 3 (52). С. 45–53.
17. *Гинзбург А.Я.* О так называемых «негласных следственных действиях» // Юрист (Каз.), 2013. № 5. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://journal.zakon.kz/4568011-o-tak-nazyvaemykh-neglasnykh.html/> (дата обращения: 29.03.2021).